Текст · 8 июня 2021, 09:01
Елизавета Нестерова,

«Мне, конечно, страшно, но из-за дорожного дела я из России не уеду». Как следователи доказывают перекрытие дорог во время январских акций

После зимних митингов по всей стране прокатилась волна уголовных дел, возбужденных по самым разным статьям Уголовного кодекса. Среди них к удивлению многих была и статья 267 УК (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения) — именно так следователи квалифицировали попытки перекрытия дорог или выход демонстрантов на проезжую часть.
В порче путей сообщения обвиняют активистов из Москвы, Петербурга, Владивостока и Челябинска, в Самаре ни подозреваемых, ни обвиняемых по статье 267 пока нет, поэтому участников акции 31 января там допрашивали как свидетелей. «Медиазона» поговорила с фигурантами «дорожного дела» из разных городов о местной специфике в работе силовиков.

Глеб Марьясов, Москва

Глеб Марьясов, член Либертарианской партии России — первый и пока единственный фигурант дела о перекрытии дорог в Москве. Его задержали 22 февраля, обвинение предъявили 2 марта. Перед этим Марьясов отбыл 30 суток административного ареста за участие в акции 23 января. Мерой пресечения либертарианцу избран запрет определенных действий — ему нельзя

покидать квартиру с 20:00 до 8:00, пользоваться почтой, телефоном, интернетом и участвовать в массовых мероприятиях. 21 мая суд продлил этот запрет сразу на полгода — до 26 ноября. Марьясов вину не признает.

Меня задержали 23 января после митинга. Мы сидели в «Додо-пицце», когда туда залетели, как они сами представились, сотрудники уголовного розыска меня задерживать, избили. Сказали, что мне вменяется организация массовых беспорядков[1], но в отделе, куда меня доставили, оформили протоколы только по административным статьям. Через два дня после этого меня допросили как свидетеля по делу о перекрытии дорог. Потом было Сахарово и административный арест. Из ЦВСИГ в Сахарово меня под конец срока перевезли в спецприемник в Москве — в процессе перевозки пропали телефон, шарф и банковские карты из сумки с вещами. Уже тут я начал что-то подозревать, но даже не смог позвонить друзьям, так как телефон пропал. На выходе из спецприемника меня приняли снова и повезли в ГСУ-[2] на допрос, а оттуда в ИВС. Так я из свидетеля стал обвиняемым. Пока я был в ИВС, друзья нашли мне квартиру съемную и заключили договор, что было очень кстати, потому что следователь мне сказал: «Ну, ты прописан не в Москве, жилья тут нет, так что только СИЗО».

К моим ограничениям можно привыкнуть. Хотя сначала было трудно: два месяца искал работу — приходилось обзванивать работодателей через другого человека. Но вот недели три работаю упаковщиком заказов в одном сервисе доставки.

Работаю я по временным слотам: мой друг Александр заходит в приложение, отмечает за меня время — он сейчас снимает со мной эту квартиру и организует мне связь со всем внешним миром. Пока не всегда получается ухватить удобный слот: например, с 10:00 до 17:00 я могу, но большинство вариантов двенадцатичасовые, а так я уже не успеваю вернуться домой до восьми. Хорошие слоты быстро занимают, но если планировать работу на следующую неделю с четверга, получается более или менее выстроить удобное расписание.

Первые два месяца была разная подработка: меня рисовала художница из Суриковского училища за плату, это было вообще удобно, потому что к ней не надо было ездить, она сама приходила. С Александром собирали компьютеры, он находил в интернете запчасти. Но этого не особо хватало на жизнь. Траты мои в месяц — примерно 45 тысяч: ежемесячные взносы по кредиткам, квартира и продукты. Александр тут живет, поэтому помогает мне снимать квартиру.

С моей девушкой Марией мы видимся, но моя мера пресечения — большая проблема, потому что она живет в Подмосковье и по личным причинам пока не может оттуда переехать, мы видимся пару раз в неделю. Мы с ней собираемся пожениться: из-за уголовного дела мы переживаем, вдруг будет какое-то жесткое решение суда, проще будет тогда быть официально расписанными. Мы и так собирались пожениться, так что уголовное дело не стало каким-то решающим фактором, просто немного ускорило процесс.

Следователи с самого начала предлагали признать вину, обещали отпустить под подписку о невыезде, но я сказал, что не понимаю, какую вину я могу признать. В ИВС ко мне приходил человек с конторским лицом, похожий на фээсбэшника, спрашивал, подумал ли я, может, все же сознаюсь. А я просто не такой человек, чтобы ради сиюминутной выгоды признавать вину, не считая себя виновным — это идет вразрез с моими христианскими ценностями. Для меня все же важнее истина.

Екатерина Остапенко, Владивосток

Екатерина Остапенко. Фото: личная страница в Instagram

Екатерина Остапенко — бывший координатор штаба Навального[3] во Владивостоке. Сейчас девушка проходит по двум уголовным дела — о перекрытии дорог[4] и вовлечении подростков[5] в митинги. Следствие считает, что она организовала акцию, анонсировав ее в интернете, а двое несовершеннолетних увидели посты Остапенко и вышли протестовать в центре города, преградив путь машинам. По делу о вовлечении подростков представитель СК просил поместить Остапенко в СИЗО, но суд ограничился подпиской о невыезде.

Мера пресечения по делу о перекрытии дорог не избиралась; расследование, по словам самой активистки, «в подвешенном состоянии». Екатерина не признает вину, а дело о перекрытии дорог называет «отправной точкой» ко второму, возбужденному по более тяжкой статье.

В последний раз, когда в СМИ всплывала информация о перекрытии дорог, говорилось о примерно десяти подозреваемых [во Владивостоке]. Мое жилище обыскивали в связи с этим делом, когда я еще была в качестве свидетеля. И как свидетеля меня дважды допрашивали.

В апреле следователь заявил, что теперь я подозреваемая, и распечатал на листе текст, состоящий из двух небольших абзацев. И в них прямо наглая ложь.

Перед акцией я записала видео с призывом собраться людям на центральной площади Владивостока, а дальше пройти по городу шествием — предполагался тротуар, конечно. Но мне предъявили, что я призвала людей конкретно к тому, чтобы перекрыть дороги. Как они собираются доказывать собственную ложь, мне непонятно. Выйти и раздать людям указания встать на дороге и помешать движению транспорта в тот день я физически не могла, потому что в этот день сидела в спецприемнике.

267 статья стала отправной точкой к возбуждению дела лично против меня по 150-й статье[6]. Я не знакома со всеми материалами дела, но там все достаточно бредово.

В моем деле фигурируют фамилии двух подростков. 23 января они участвовали в акции протеста и, по мнению следствия, в перекрытии дорог. Адвокат спросил у следователя, почему меня не обвиняют в том, что трое мужчин на той акции избили полицейских, и почему я должна понести ответственность за то, что по собственной воле сделали другие люди. Но никакого ответа на это не последовало. Пока дело в подвешенном состоянии. Расследование продлили до июля.

Иван Остапчук, Петербург

Иван Остапчук. Фото: @ivaost / Twitter

Либертарианец Иван Остапчук — администратор чата «Передачи. Санкт-Петербург», в котором после январских митингов волонтеры договаривались о помощи задержанным. В апреле он сам стал свидетелем по делу о перекрытии дорог. Следователи искали Ивана несколько суток и в итоге обыскали его квартиру в отсутствие хозяина. По словам активиста, с обысками в этот день пришли ко всем, кто приносил в ОВД и спецприемник передачи для Ирины Фатьяновой — бывшего координатора штаба Навального в Петербурге, в марте объявившей о выдвижении в городское Заксобрание.

18 апреля [Леонид] Волков анонсировал митинг 21 апреля, в тот же день я уехал из дома, прятался, чтобы не задержали. И в день акции моя девушка вышла на

улицу и встретила полицейского, который показывал мою фотку и спрашивал, не знает ли она меня и где я живу. Вечером она вернулась домой и поняла, что в наше отсутсвие прошел обыск, все вещи были разбросаны. Потом уже мы узнали, что, оказывается, вызвонили нашего арендодателя, нашли его в другом доме и привезли на обыск. Арендодатель у нас, надо сказать, отличный: он пытался из полицейской машины мне позвонить и предупредить, но ему не дали пользоваться телефоном. На уже самом обыске он немного перепутал эпохи и на всякий случай спрятал на шкаф мои иконы, чтобы их не нашла следственная группа. У нас изъяли старые айфоны, ноутбук и часть личных документов.

А через несколько дней адвокат связалась со следователем и выяснила, что я прохожу свидетелем по делу о перекрытии дорог, но на допрос мне идти уже не надо: «Он пока не интересует нас никак». Протоколы об обыске я так и не получил — документы почему-то у ЖКС[7], это что-то вроде ТСЖ, кажется.

Мне потом объяснили, что если не получается найти хозяина квартиры, протокол обыска отдают председателю ЖКС. Наш хозяин квартиры на обыске был, но протоколы все равно получал не он.

Перед митингом 31 января у нас было много обысков по этому делу — это первая волна, человек 12, наверное, обыскали. Вторая волна была в апреле — там уже человек шесть обыскали. Все, кого я знаю — свидетели по делу, и у всех проводили обыск перед тем, как допрашивать. На допросе всех спрашивали про знакомство с одним и тем же списком людей, в нем Ирина Фатьянова, [муниципальный депутат] Денис Луговский и так далее. Но ни у кого из

них не проводили обыски, даже не допрашивали. Интересный момент, что в апреле пришли с обысками ко всем, кто в день объявления митинга ездил отвозить передачу уже арестованной на тот момент Ирине Фатьяновой.

Сергей Подсытник, Самара

Сергей Подсытник. Фото: личная страница ВКонтакте

Сергей Подсытник — бывший сотрудник самарского штаба Навального, сейчас член Либертарианской партии. Ни обвиняемых, ни даже подозреваемых по статье 267 УК в Самаре нет, но обыски по делу о перекрытии дорог в городе прошли как минимум у семи активистов. Все, к кому силовики приходили домой, сейчас находятся в статусе свидетелей.

Началось с того, что я сидел в спецприемнике за 23-е [января], никого не трогал. За два часа до выхода мне принесли повестку, хотели, чтобы я явился на допрос на следующий день — как раз на то время, когда должен был начаться митинг 31 января. Я на допрос идти не собирался, собирался на митинг.
С утра [31 января] ко мне в семь часов приходят сотрудники полиции, стучат в дверь — я не пускаю. Тогда мне отключают симку, рубят связь. Я выхожу на улицу, чтобы идти, куда собирался, а там меня встречает полиция, газелька эшников, и под белы рученьки везут в следственное управление МВД — да, у нас этим занимался не СК. Привезли, предлагают

разблокировать телефон, я отказываюсь, тогда его у меня изымают. Дальше, собственно, происходит допрос, на котором я беру 51 статью[8]. И все хорошо, на какое-то время все затихает. А дальше, стыдно сказать, но обыск я проспал — он проходил по месту прописки, у родителей. Буквально я проснулся от новости о том, что у родителей обыск, а соцсети бурлят, что я не выхожу на связь.

На обыске изъяли у отца ноутбук, хотя он точно не имеет отношения к делу, я три месяца по этому адресу уже не жил к тому моменту. По месту прописки живут мама, папа и младший брат. Компьютер у младшего брата изымать не стали. По месту фактического проживания обыска не было, только у родных — очевидная попытка покошмарить, потому что адреса наши они знают, за нами постоянно наружка.

После обыска все заглохло и никуда не ехало. Потом мне позвонил следователь, позвал на допрос. Я говорю: «Давайте повестку». Присылают повестку, повестка не по форме, то есть, например, в ней нет даже номера дела. Я принял решение не идти ни на какой допрос, потому что ну захотят привезти — привезут.

Насколько мне известно, в нашем городе у примерно восьми или девяти человек прошли обыски по этому делу, а на допросы притащили 160 человек[9], море людей просто — так я слышал от сотрудников полиции, эта информация может быть неточной, но допросы проходили параллельно с митингом, так что цель была просто не пустить людей на

акцию. У нас 23 января был один из самых крупных митингов в истории города — около восьми тысяч человек, поэтому в день следующей акции всех просто забрали на допросы. Еще, конечно, [это была] акция устрашения. Мол, смотрите, мы вас всех знаем.

Много у кого и много чего изъяли, но сейчас у нас происходит небывалое — следователь Маннаников начал возвращать изъятую технику, признавая ее не относящейся к делу. Нам с родителями, правда, пока ничего не вернули. Но у меня очень понимающие родители, папа — психолог, мама — психотерапевт, так что люди очень спокойные и уравновешенные. Сейчас по делу в городе, кажется, ничего не происходит. Я так понимаю, это дело ехало по региональным рельсам, и решение признать штабы экстремистской организацией его остановило.

Того, что это дело могут реанимировать и перевести кого-то из свидетелей в обвиняемые, я не очень опасаюсь. У нас менты прокосячили в том, что у нас всех людей, имеющих отношение к организации митинга, арестовали до самого митинга и, получается, до предполагаемого перекрытия дорог. Для меня дорожное дело не выглядит чем-то страшным. Вот дело об экстремизме — выглядит, конечно. Ну меня можно и в армию призвать, если очень захотеть. Ну и вот: армия год, дорожное дело — до трех лет, то есть в три раза больше, чем армия. Ну окей, договорились. Я физик и математик, я все в циферках меряю. Для меня край — пять лет. Мне, конечно, страшно, но из-за дорожного дела я из России не уеду никогда.

Мария Макарова, Челябинск

Мария Макарова. Фото: t.me/yavyhoju

Мария Макарова — бывший администратор чата штаба Навального в Челябинске. 31 января она отбывала административный арест, но следствие считает, что в этот день ей все же удалось поучаствовать в перекрытии дорог. Всего в Челябинске девять подозреваемых по статье 267 УК, с некоторыми Макарова даже не знакома. У всех девяти — обязательство о явке к следователю; насколько известно, активных следственных действий по делу не ведется.

О деле по 267-й статье в нашем городе знаю только примерно — и в основном из материалов «Медиазоны». У меня у самой был обыск и допрос в рамках этого дела в 6:30 утра 12 февраля, а в ночь с 11-го на 12-е меня только из спецприемника выпустили. Сейчас я, как и все фигуранты «дорожного дела» в Челябинске, подозреваемая под обязательством о явке. Ничего не происходит, никаких следственных действий.

Меня в девять утра 30 января на выходе из стоматологии задержали, и 31-го я уже отбывала арест. Я вообще не понимаю, как можно меня обвинять в перекрытии, если я не была физически на месте «перекрытия». Это же, кстати, удивило и ОМОН, и следователя, которые пришли утром

на обыск. Я спросила у них: «А как я могла что-то сделать 31-го, если 30-го эта же самая судья [Центрального районного суда Елена] Черненко, которая постановление на обыск одобрила, отправила меня под арест?». Вообще все, кроме эшников, очень удивлялись, что их ко мне направили. Первое, про что спросили эшники на обыске — это про наличие агитации Навального и СтопГОКа — гражданского экологического движения, которое борется против строительства ГОКа[10] в получасе езды от центра города. Ничего такого у меня дома не было. Изъяли все телефоны, даже старые кнопочные, неработающий планшет (а я искала, где у нас его можно сдать в переработку, чтобы не отравлял природу), даже флешку с играми из приставки *Wii* забрали. Прямо оттуда вытащили и запаковали. Зачем — неясно, будут, наверное, там у себя в конторе в мои фитнес-игры играть.

На самом обыске все, кроме одного эшника, вели себя корректно. И то, этот эшник стал вести себя более сдержанно, после сделанного ему омоновцем замечания. Сначала он ехидно комментировал все. Например, у меня в одной из комнат лежало письмо из бассейна в Санкт-Петербурге — этой мой второй родной город, я была на стадии переезда туда, но теперь откладывается все до окончания уголовного дела. Так вот, конверт у письма был обратно заклеен, следовательница спросила, что там. Я объяснила, что при мне в том бассейне тренер унижала и обзывала своего подопечного, мальчика лет семи. Вот я за него заступилась и потом написала жалобу руководству, и это их ответ. Тогда эшник сказал: «Конечно! Своих-то детей нет!». Вот на этой реплике омоновец и сказал: «Не надо девушке хамить!».

Я подозреваемая с обязательством о явке к следователю — вообще без числа, то есть по вызову следователя я обязана прийти на любые следственные мероприятия в любое время. Ограничения, по большому счету — только если соберусь съездить куда-нибудь, надо будет заручиться бумажкой от следователя, что на этот период они не планируют ничего. Но я думаю, что, как только уеду к папе в Санкт-Петербург, они тут же оформят срочные следственные действия, и потом посадят меня в СИЗО за неявку. То есть формально подписки о невыезде нет, а на практике — никуда не поехать.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Часть 1 статьи 212 УК.

2. Главное следственное управление СК.

3. Мосгорсуд рассматривает иск о признании «общественного движения "Штабы Навального"» экстремистским и запрете его деятельности в России. Росфинмониторинг, не дожидаясь решения суда, внес это «движение» в список террористов и экстремистов.

4. Часть 1 статьи 267 УК, максимальное наказание — до года лишения свободы.

5. Часть 1 статьи 150 УК, лишение свободы на срок до пяти лет.

6. Статья 150 УК. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

7. Жилищно-коммунальная служба, жилкомсервис.

8. Статья 51 Конституции: никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

9. «Медиазоне» не удалось найти никакого подтверждения словам самарских полицейских, на которые ссылается Подсытник. 31 января МВД сообщало о 123 задержанных в Самаре, проект «ОВД-Инфо» — о «по крайней мере» 53 задержанных.

10. Горнообогатительный комбинат.